

ПОЗДНО вечером мы бродили по безлюдному Веймару. Пахло мокрым снегом и прогорклым дымом из печных труб. В переулках лежали глубокие тени. Кажется, город уснул еще пару столетий назад и остался таким, каким его видела Гете, Шиллер и Бах.

По Эрих-Вейнерт-штрассе мы вышли на старую площадь. Под фонарями белой мошкаркой мельтешили снежинки. Часы на городской ратуше пробили одиннадцать. И вдруг откуда-то неподалеку, из темноты, донеслись приглушенные снегопадом звуки органа...

Бессознательно мы двинулись на этот звук, словно веря, что произойдет чудо, — века расступятся, открыв перед нами такой же вечер, безмолвно белеющие кругом черепичные крыши, полоску света у неплотно прикрытой двери, трепетание свечей в темном здании храма и взмывающие над клавишами руки Баха...

СТРАСТИ ОТЗВУК НА ГОРЕ ЭТТЕРСБЕРГ

Здесь, в этом городе, он прожил девять счастливых лет своей жизни. Служил органистом у герцога Вильгельма Эрнста. По вечерам, случалось, задерживался в городской церкви у своего приятеля, музыканта Иоганна Вальтера. Вместе с приятелем Иоганн-Себастьян допоздна возился с органом, устраняя поломки и совершенствуя его механизм, затем исполнял среди ночи токкаты и фуги, пугая церковного сторожа лавиной неслыханных звуков...

Все в его жизни складывается вполне удачно. Просвещенный герцог ценит мастерство своего органиста и милостиво разрешает ему выступления в других городах. Об искусстве Баха-исполнителя рассказывают легенды, подобно такой: «Не довольствуясь проворностью своих удивительно развитых пальцев, брал в зубы палочку и во время игры, нагибаясь, нажимал ею на добавочные клавиши мануала». Ему хорошо пишется — именно здесь, в Веймаре, создано большинство произведений, принесших фамилии Бахов всемирную славу. Вдобавок ко всему у него счастливая семья — жена Мария Барбара и четверо детей, вместе с которыми Иоганн-Себастьян совершает в воскресные дни прогулки по окрестностям города, забираясь на заросшую лесом гору Эттерсберг.

А в токкатах и фугах его — скрипки боли и жажда покоя. Баху мало обычных регистров, и однажды орган оглушает добропорядочных бюргеров колокольным набатом. За секретом такого устройства Бах, согласно легенде, отправился в Любек к старому мастеру Букстехуде — за сотни километров.

Прихожане взволнованы: колокол с давних времен — символ тревоги и бедствия. Что случилось с мастером Вахом, воскресные мессы которого и так далеки от церковных канонов? Что видит он в дали грядущего?

...Спустя два столетия здесь, в окрестностях Веймара, был построен фашистский лагерь смерти Бухенвальд.

Двигаясь ночью по заснеженным улочкам города на голос органа, мы вспоминали минувшее утро на горе Эттерсберг...

Снег падал сырыми тяжелыми хлопьями, засыпая бетонные столбики на месте баранов для заключенных, глыбой нависая на крыше бывшего крематория, забывая расщелины готических бун на воротах у входа: «Каждому — свое».

Потом мы долго стояли у памятника узникам Бухенвальда. Снег все шел, неумолимый, как время, и сивозь него брели изможденные, до предела уставшие люди в легких лагерных куртках — мужчины, женщины, дети... Снег забивал им глаза и не таял. Люди от этого казались незрячими. Но, падая и спотыкаясь, они шли наугад все дальше и дальше от этого проклятого места на земле, названного Бухенвальдом. А где-то далеко позади, за завесой метели, слышался лай овчарок, отрывистые команды эссовцев и предсмертные стоны людей в оцепенело застывшем лесу...

В башне, вознесенной над памятником, рождался и медленно плыл над округой колокольный набат.

...Бах писал свои воспоминания о будущем.

Спустя десять лет после отъезда из Веймара он закон-

чил «Страсти по Матфею». Вскоре церковные власти запретили их исполнение в храмах — так потрясенно, по-человечески страстно звучала эта музыка.

Во времена Баха людей на крестах уже не распинали.

Распинали двумя столетиями раньше — в эпоху мрачного средневековья.

И двумя столетиями позже — в наш цивилизованный двадцатый век...

Бухенвальд предназначался для «уничтожения людей физическим трудом». Тех, кто выказывал хоть малейшие признаки сопротивления, подвешивали в лесу на столбах, напоминавших распятия. Подвешивание происходило следующим образом. Руки крепко связывали веревкой за спиной, затем заключенного приподнимали и вешали за связанные руки на большой крест, забитый в столб на высоте двух метров, так что ноги свободно болтались в воздухе... Последствием был вывих суставов, сопровождавшийся ужасной болью. «...Лес наполнялся стоном, криками и воплями. Шарфюрер СС Зоммер беспомощных, стонущих заключенных бил дубинной по ногам, лицу и половым органам. Замученные до безумия, они кричали, прося воды призывая жену и детей, умоляя застрелить их, чтобы мучения окончились».

(Из воспоминаний бывшего узника лагеря смерти Вилли Апеля).

Остается только гадать, как услышал их сам Иоганн-Себастьян Бах, жизненный путь которого, если верить биографам, был подобен однообразной и довольно-таки скучноватой дороге.

Бах не видел, как распинают людей на крестах. Но он хорошо знал, что в начале любого пути на Голгофу лежит предательство. Предательство самого себя, своих близких, предательство человеческого в человеке.

Музыка Баха трагична, но вот что закономерно: и в «Страстях», и в близком по духу хоре «Распятый» из «Высокой мессы» к эпилгоу она проясняется и звучит торжествующим гимном во славу жизни. Эта вера в светлую силу добра не угасала в нем даже тогда, когда он ослеп и его окружила полная тьма. Без нее и сама жизнь, и все, что он делал, оказались бы просто бессмысленными.

Коллаж В. АРСЕНЬЕВА.

За десять дней до своей смерти, по воспоминаниям родственников, Бах неожиданно прозрел. Привстав на постели, он жадно взгляделся в раскрытое окно, а потом подавленно опустился на подушку, так и не произнеся ни слова.

Что он увидел? Неужели все это?

Поистине проклятым местом в страшном лагере смерти было так называемое «патолого-анатомическое отделение», в котором эссовские врачи проводили «эксперименты» над живыми людьми. Большинство среди них составляли русские, которые, как следует из обвиняемых на Нюрнбергском процессе, «отличались наибольшей физической сопротивляемостью». Фабрика смерти работала без отходов. Здесь же, в патологоанатомическом отделении изготавливались абазуры для настольных ламп, кошельки и другие «сувениры» из человеческой кожи. Головы своих жертв, высушенные по методу людоедов Океании, фашисты преподносили в качестве подарка знакомым. Поистине такое не снилось даже средневековым инквизиторам...

А в подвале под «патолого-анатомическим отделением», считавшимся в лагере самым глухим и зловещим местом, куда старались не заглядывать даже эссовцы, квартал из четырех заключенных на самодельных инструментах исполнял по ночам Баха. И эта музыка помогала им снова обрести волю к жизни и веру в человека...

По заснеженным улочкам Веймара мы подошли к высокому темному храму. На ступенях лежала узкая щелочка света из неплотно прикрытой двери. Чуда не было. Просто настраивали орган. Однако даже после того, как звуки органа умолкли, мы долго не решились уходить. Все казалось: дверь вот-вот распахнется, и в светлом проеме дверей, застывшая пуговица на старомодном сюртуке, появится сам Иоганн-Себастьян Бах...

Он еще не все досказал нам, своим современникам. История развивается по спирали, к сожалению, не только в положительном смысле. Времена повторяются, и средневековье еще может возникнуть на новом, зловещем витке.

И потому Бах снова настраивает свой орган.

В. ШУТКЕВИЧ.